

Сов. Криворука

Н

ЕКОТОРОЕ время назад, когда я слышал модный шлягер «Мастер и Маргарита» (а он доносился почти из каждого окна), мной овладевали оторопь, чувство неловкости и за исполнителя, и за авторов, и за слушателей... Да и возникший тогда шквал повального интереса и любви к Булгакову и его роману, с оттенком скандала и агрессии не мог не вызвать законной ревности у людей моего поколения, ибо наша любовь к нему была сосредоточенной и тихой. Студентами мы, достав на ночь журналы «Мастера и Маргариты» и Маргаритой», читали его друг другу вслух, а затем, «скооперировавшись» и раздобыв в прокате машинку, поочередно перепечатывали его, закладывая в каретку пять-шесть страниц тонкой бумаги. Такой «всамделишный» самоиздатовский том «Мастера и Маргариты» с намертво вклеенными в него прекрасными рисунками тушью моего друга-художника до роже мне даже другого варианта — ксерокопии, купленной у спекулянтов, и томика, где есть еще и рассказы, приобретенного недавно на какой-то сверхпраздничной распродаже, хотя каждый из этих экземпляров — тоже история вхождения Булгакова в нашу жизнь.

Со временем раздражение и нетерпимость к любителям шлягера улеглись, и я смирился с ними, даже возникло нечто вроде симпатии — у каждого возраста свои вкусы: свой Булгаков, свой способ выражения любви к нему. И я стал верить, что и они, проходя в Киеве по Андреевскому спуску, где жил Михаил Афанасьевич и куда поселил семью Турбиных, обязательно оглянутся на окна углового дома в поисках света за кремовыми шторами. Уверен, что те, кто хоть раз держал в руках «Мастера и Маргариту», в Москве, на Патриарших прудах, непременно вспомнят, что именно здесь Аннушка так неосторожно пролила постное масло, положив начало трагических событий, обязательно захотят найти на Большой Садовой дом № 302-бис, где некогда поселился Воланд со своей свитой, или, проходя по Арбату, подсознательно будут ждать, что вдруг мелькнет в толпе женщина с букетом желтых цветов и они станут свидетелями ее встречи с Мастером, а свернув с Арбата переулками к улице Герцена, здрав голову, будут искать окна со следами погрома и пожара, учиненного Маргаритой в квартире ненавистного ей критика Латунского, во время ее буйного и радостного полета на метле...

Дорогу к квартире в доме № 302-бис нашли уже многие. Подъезд от первого до последнего этажа плотно испещрен невнятными рисунками и надписями — признаниями в любви к Булгакову, Воланду и даже коту Бегемоту. Искренность и непосредственность этих излияний не вызывает сомнения, но... Как-то Фаину Георгиевну Раневскую, славящуюся своим редкостным и желчным остроумием, спросили — бывало ли когда-нибудь, чтобы она, исполняя роль, «выплеснула» на сцену всю себя. Актриса ответила: «Сцена — не помойка»... И как я ни пытался вызвать в себе чувства умиления таким выражением «все-народной любви», разглядывая рисунки и вчитываясь в надписи, оно не возникало, как не возникло оно и у моего спутника — поэта Евгения Амаспюра, чья широта взглядов и «авангардность» художественных вкусов очевидны... Достаточно сказать, что он автор концепции и проекта новой экспозиции Музея Владимира Владимировича Маяковского на Лубянке.

Музей открыт, и желающие могут убедиться, насколько смела и необычна эта экспозиция, как перестраивается она все наши традиционные представления о литературных музеях и музейном деле вообще. Преображенный музей сам стал троизведением искусства: сложной художественной метафорой и игрой, где переплелись, дополняя и споря друг с другом, подлинные вещи, архивные документы, связанные с жизнью поэта, и чисто символические образные решения — скульптурные, архитектурные, живописные.

Такой своеобразный и дерзкий замысел экспозиции позволил ощутимо сближить временные пласты — эпоху Маяковского и наше сегодняшнее видение творчества поэта и его жизни... Поэтому, когда накануне посещения дома, где жил Михаил Булгаков, мне позвонил Евгений Амаспюр и сказал: «Надо встретиться. Есть идея», я понял, что это серьезно.

Идея создания музея Михаила Афанасьевича Булгакова в Москве носилась в воздухе и не раз высказывалась писателями, читателями, театральными деятелями. И вот нашлись люди, готовые взяться за дело...

— Евгений, я понимаю, что коль вы заговорили о музее Булгакова, это неспроста. Вероятно, у вас уже есть конкретное представление, каким будет этот музей? Может быть, он видится вам подобным Музею Маяковского?

— Что касается Музея Маяковского, то его судьба «сложилась» благополучно, и мне бы не хотелось говорить о тех или иных недостатках ее реализации, которые мне как художнику сейчас видны. Главное, что дала эта работа — уверенность, что новый принцип создания экспозиций литературных музеев перспективен и таит в себе много еще неиспользованных возможностей. С другой стороны, для себя я понял, что это дело мое — соответствующее моим профессиональным навыкам, профессиональному опыту и интересам, хотя я вполне мог бы довольствоваться и станковой живописью, вполне благополучно существуя за ее счет и удовлетворяя свои творческие амбиции. Сегодня есть другое, достаточно веское обстоятельство, заставляющее как можно быстрее решить вопрос о будущем музее, о том, кто им будет заниматься: уже есть коллектив, имеющий опыт подобной работы. Я говорю даже не о нашей группе художников, а об исполнительском коллективе — в первую очередь о строителях, специалистах, с которыми мы работали, — специалистах по металлу, стеклу, бетону. Расформировывать весь этот коллектив было бы непростительным расточительством. Если бы при создании новой экспозиции Музея Маяковского нам бы не помогло военно-строительное управление КГБ СССР и если бы не энергия ее руководителей, мы бы ее не осилили. Сейчас тоже можно было бы рассчитывать на их помощь: они поверили нам, поверили в успех и в то, что вклад в развитие культуры приносит и пользу, и радость.

— Действительно, Комитет госбезопасности вложил силы в благородное дело, и если он будет содействовать созданию музея Михаила Афанасьевича Булгакова, то явно есть шанс избежать долготрапия. Ну а какой вам видится будущая экспозиция?

— Конечно сейчас стоило бы ошеломить, пообещав что-нибудь очень эф-

фектное: как будут фосфоресцировать глаза кота Бегемота, а из камина выскакивать скелеты, как обнаженная Маргарита с хохотом будет пронеситься на метле над головами посетителей или вдруг зазвучит известный телефонный разговор Сталина с Булгаковым, а сам «отец народов» с трубкой в зубах неожиданно появится из-за угла или в ложе МХАТа на спектакле «Дни Турбиных»...

Но говорить об этом я просто не имею права. Художник не должен держать в голове два или три варианта замысла, куда ни шло — пятьдесят, но два или три убивают один другой. Их же не «поставишь» рядом. Вариант должен быть единственным и окончательным. Хотя я и имею уже какие-то общие идеи, заготовки, наброски образных решений, исходя из моего восприятия творчества Булгакова, я их не хочу развивать. Сюжетом экспозиции, ее сценарием должны заняться специалисты. И только после этого начнется мука-мученическая — приведение к общему знаменателю избранного ими материала — сценария экспозиции, художественных образов, пластического, стилистического решения.

— Ведь Музей Маяковского уже существовал, была какая-то материальная основа экспозиции, а здесь придется начинать с нуля.

— Сценарий новой экспозиции Музея Маяковского был написан его научным сотрудником Тарасом Поляковым. (Кстати, самая идея, что вся экспозиция словно «вытекает» из квартиры Маяковского, заимствована Поляковым у Булгакова, где сцена сатанинского бала в «Мастере и Маргарите» «вытекает» из камина). И потом, как заметил художник

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ВОЛАНД

из нашей группы Андрей Волков, в смысле чисто изобразительном, пластическом Маяковский более «достаточен», чем Булгаков, более предсказуем. Булгаков же более скрыт, почти неуловим...

— Булгаков ближе к театральной культуре, к эстетике театра.

— Да, но мы должны создать музей, а не спектакль. Поэтому для меня сейчас необходимо точно определить систему его эстетических, философских координат, вектор его культурных корней, а они во многом уходят в XIX век...

Естественно, мы рассчитываем на литературоведов, театроведов. Важно, чтобы у них было доверие и к нам, и друг к другу, чтобы не вышла ситуация лебеда, рака и щуки.

— И все же, каким вам представляется масштаб музея, его связь с реальной жизнью Булгакова, с эпохой, с его литературными персонажами?

— Конечно, ограничиться рамками одной квартиры невозможно и под музей должна отойти хотя бы часть здания. О соотношении реальных предметов, документов, типологических вещей эпохи и чисто пластических живописных решений говорить сейчас рано. Ведь если развивать, например, принцип Музея Маяковского, то, я уверен, литературный музей может обойтись без единого экспоната в общепринятом понимании. Для этого типа музея еще не изобретено определение, но это музей, воплощающий идею в образах, овеущающие мысли писателя и мысли о нем. То есть музей, взявший на себя функции искусства. Будущий музей, как и произведение искусства, должен заставлять зрителя, посетителя не только поглощать информацию, но и расходовать себя, свои мысли, чувства.

— Не боитесь ли вы, что театральность, фантастичность Булгакова может вас спровоцировать на отход от главного героя музея?

— И да, и нет. Театральность и фантастичность писателя дают художественный простор. Но Булгаков достаточно прочно связан с реальностью, с бытом, именно они лежат в основе его фантастичности, именно в этом секрет его особого мира. Думаается, и реальность, и «дьяволиада» найдут свое место в экспозиции.

— Позволю себе крамольное наблюдение. Когда Музей Маяковского только готовился к открытию и был не так густо насыщен реальными документами и предметами, он больше располагал к внутреннему общению с поэтом. К сожалению, мы не только мало тратим на культуру, образование, искусство, но и ухищраемся отпугнуть от них зрителя, создать некую стену недоступности. У нас почти нет памятников литературным героям, а общение с искусством из праздника часто превращается в чинно-благопристойное, обязательное мероприятие. Когда в Финляндии, в Тампере, наша группа посетила новую библиотеку, сейчас одну из лучших в Европе, меня поразили не только архитектура, фонды книг и пластинок, современное оснащение, но и отсутствие мнимой значительности, обилие света, множество уютных холлов, закуулков с диванчиками, креслами, отдельными столиками, где было много детей самого разного возраста, они рылись в картотеках, слушали через наушники пластинки, читали, играли в настольные игры... Что вы думаете по этому поводу?

— Я согласен, наше стремление к серьезности порой превращается в скуку, ханжество. Мне бы хотелось, чтобы в новом музее не было дистанции между Булгаковым и посетителями, чтобы можно было при желании где-то сесть с книгой, передвинуть стул, как удобно, сесть на пол...

— Хорошо бы иметь в нем и театральный зал... Ну это уже из области мечтаний. А мне хочется, чтобы вас услышали и в министерстве культуры, в союзах писателей и театральных деятелей, чтобы вы обрели поддержку в Советском фонде культуры.

— Спасибо.

— И вам спасибо за интервью и энтузиазм.

Петр КУЗЬМЕНКО.